

Когда погода жаркая — он с веером, когда прохладная — кутается в шерстяной плед. Мытье посуды для него словно каторга, из-за чего Сюй Жань не раз одаривал его взглядом, который ясно говорил: этот человек явно не в своем уме.

Однако прошел всего год, и он стал таким, как сейчас. Кто знает, что с ним приключилось.

В большом деревянном тазу плескалась рисовая вода. Гу Сюэцзян сидел на низкой табуретке и, не поднимая глаз, отмывал посуду мочалкой из люффы.

— Знаю, о чем хочешь спросить. Я уже исследовал Путь Боевых Меридианов Чэн Чжулю. Его Пурпурный Дворец обширен, двенадцать главных и тридцать шесть вспомогательных меридианов почти идеально чисты. Не говоря уже об Академии Наньюань, даже среди отпрысков знатных домов, которых в императорской столице кормят редчайшими сокровищами, или среди тщательно отобранных внутренних учеников семи великих сект, вряд ли найдется кто-то с таким талантом.

Чэн Цяньжэнь не был знаком с нравами столичных аристократов и великих сект, но доверял проницательности Гу Сюэцзяна:

— Ты раньше говорил, что у него хорошие задатки, я думал — просто неплохие. Неужели настолько хороши?

Гу Сюэцзян фыркнул:

— Иначе ты думал бы, что я, при всем моем самолюбовании, стал бы хвалить кого-то другого?

— Сяо Лю в этом году девять лет. Дети из знатных семей и сект начинают Направление Ци в тело в девять-десять лет. Больше тянуть нельзя...

Гу Сюэцзян внезапно поднял голову и посмотрел на него, его лицо было спокойным:

— Ты вообще понял, что я имею в виду?

Чэн Цяньжэнь помолчал немного:

— Если бы Сяо Лю родился таким, как я — с непроходимыми меридианами и слабым талантом, — я бы нашел способ обеспечить ему спокойную жизнь, помочь обзавестись семьей и делом. Но сейчас ему недостаточно просто быть сытым и одетым. Разве его талант должен быть погребен только из-за того, что его брат — обычный человек? Неужели он должен прожить жизнь заурядным ничтожеством?

Гу Сюэцзян не позволил ему уйти от ответа:

— У меня был друг, чьи родители были практиками на полшага от стадии Великого Совершенства. Еще в утробе его питали эссенцией крови, а после рождения в двенадцати главных меридианах оставался лишь крошечный изъян. В восемь лет он очистил меридианы, в десять вошел на пятый уровень Очищения Ци — случай один на миллион. Сейчас в мире истощение духовной энергии, и людей, рожденных с чистыми меридианами, почти не существует. Ты все еще считаешь, что с Чжулю всё в порядке? Он ведь не родной тебе брат, верно? Ты знаешь, откуда он взялся?

Чэн Цяньжэнь набросился на него с кулаками:

— Ах ты, неблагодарный! Мой брат целый год готовил тебе еду, кормил тебя, а ты смеешь говорить, что он ненормальный!

— Эй, эй! Ты чего распускаешь руки? Я платил, я не ел задарма! — Гу Сюэцзян вскочил, расплескав воду для мытья посуды по всему полу. — Дослушай меня! Я имею в виду — ты сможешь его защитить?!

С Чэн Цяньжэнем все было в порядке: обычно он обладал на редкость мягким характером, но стоило кому-то заикнуться о его брате — и терпение лопалось. Точно так же, если хочешь успокоить его, достаточно было заговорить о делах брата.

— Хочешь, чтобы он практиковал? Легко. С его талантом ему не нужны ни редкие снадобья для очищения меридианов, ни великие наставники. Достаточно лишь искусного руководства по мечу, чтобы он сам достиг просветления. Но что будет потом? Ты можешь предвидеть последствия?

Чэн Цяньжэнь отпустил воротник Гу Сюэцзяна, подобрал недомытую чашку и сел домывать:

— Конечно, я думал об этом... Я постараюсь подкопить денег, и следующей весной он пройдет вступительный экзамен в Академию. На основной предмет выберет Вычисление Десяти Тысяч Дхарм, которое ведет заместитель директора, и добавит несколько курсов для Боевых практиков. При силе Академии Наньюань он вряд ли попадет в серьезные неприятности.

Гу Сюэцзян подхватил:

— После выпуска он сможет вступить в секту, которая дружит с заместителем директора. Например, Павильон Меча на юге или Цаншань на западе — у них достойные устои, куда лучше, чем у гнилых аристократов из столицы.

Сказать-то легко, но он знал, как трудно Чэн Цяньжэню накопить плату за обучение для еще одного человека:

— Похоже, ты уже все спланировал. Эх, почему у меня нет такого брата, как ты.

Закончив разговор, Чэн Цяньжэнь встал, чтобы набрать воды и вымыть руки:

— Не унывай. Брата нет, но назови меня отцом — и я тебя усыновлю.

Гу Сюэцзян выловил из таза мочалку и швырнул в него:

— Пошел ты!

— Чего орешь! Тише, Сяо Лю спит! — Чэн Цяньжэнь поймал летящий предмет, запустил обратно и, повернувшись, ушел в дом. — Мой дальше, и не забудь закрыть дверь, когда уйдешь.

Из-за спины донеслось тихое ворчание Гу Сюэцзяна.

Учеба, самосовершенствование, дрова и рис.

В Академии восемь тысяч учеников, и большая часть из них живут именно так.

Жизненные трудности и тяжелая учеба — это пустяки. Если и искать что-то, что отличает эту троицу, то вот: Суй Жань — главарь пяти кварталов восточной части города, носит с собой парные ножи и ораву мелких приспешников; Гу Сюэцзян — изгнанный из знатного рода второй

молодой господин, с трубкой для курения и кучей привередливых привычек.

А Чэн Цяньжэнь — попаданцем, притащивший с собой найденного у реки Чэн Чжюлю.

Чэн Цяньжэнь вернулся в свою комнату, сел за стол и развернул бухгалтерскую книгу. Левой рукой он шелкал костяшками счетов, время от времени переворачивая страницы, правой — вел записи, выводя каллиграфически ровные строки.

Это был пятый год его жизни в этом мире и второй год в городе Наньян.

Он считал себя самым некрутым попаданцем в истории. Ни системы, ни сценария, и уж тем более он не стал героем романа, который всех побеждает и обзаводится гаремом.

Бедовый попаданец без гроша, без навыков, без удачи.

Даже в относительно равноправном правовом обществе он не смог добиться успеха, проработав два десятка лет обычным работягой. Оказавшись в феодальном мире, где правят сила и власть, он лишь острее почувствовал злобу судьбы и тяжесть борьбы за существование.

Но он дорожил этой жизнью, проживая каждый миг искренне. По сравнению с тем, что было поначалу, сейчас он словно переродился — жизнь кардинально изменилась. Он крепко спал, хорошо ел, а самое ценное — мог учиться.

Академия Наньюань предлагала более шестидесяти основных курсов и сорок дополнительных, охватывающих практически все известные области этого мира. Чтобы поступить, нужно было сдать комплексный экзамен в начале весны: три дня испытаний, от Четверокнижия и Пятикнижия до Шести Благородных Искусств. На второй день объявляли результаты, и те, кто прошел, могли записываться на основные курсы и сдавать дополнительные экзамены, назначенные преподавателями.

Основных направлений было три: Боевое, Искусство и Мастерство.

Боевое направление обучало самосовершенствованию — например, Сюй Жань изучал Искусство Ножа. Такие ученики занимались в Академии Циншань на западе, часто носили оружие, были задиристыми и легко ввязывались в драки. После выпуска большинство шло служить в армию или вступало в секты и знатные дома.

Направление Искусства тяготело к гуманитарным дисциплинам. Например, Гу Сюэцзян изучал Записки о вещах мира — курс по географии континента и эволюции видов. Их занятия проходили в Павильоне Чуньбо с изысканными пейзажами. Ученики приходили туда ради расширения кругозора и светских знакомств, часто собирались, чтобы сочинять стихи, играть на цитре и флейте.

Направление Мастерства фокусировалось на прикладных науках. Чэн Цяньжэнь изучал Арифметику — один из главных предметов этого направления, занятия по которому проходили в Заднем дворе Наньшань. Многие учились усердно, и при рекомендации преподавателя после выпуска можно было получить шанс поступить на государственную службу.

Говорили: Блеск клинков в Академии Циншань, цветы и луна в Павильоне Чуньбо, и

бесконечная учеба в Наньшань. Это лучше всего отражало огромную разницу между тремя отделениями Академии.

Помимо основных курсов Академия поощряла всестороннее развитие, поэтому ученики должны были выбирать три дополнительных предмета. В этом году им троим не повезло: Сюй Жань выбрал Основы военной теории, преподаватель по которой славился своей суровостью — если не сдал, пересдавай на следующий год. Говорили, что люди могли зависнуть на этом курсе на три года.

Это чувство, напоминавшее Чэн Цяньжэню университет из прошлой жизни, стало для него огромным утешением и главной мотивацией.

Вспоминая, как два года назад он днями и ночами готовился к экзаменам, едва набрав проходной балл, он понимал, что в каллиграфии и заучивании текстов ему не тягаться с местными. Но так как в прошлой жизни он неплохо знал математику, он решил сдавать Арифметику.

Три месяца тренировок со счетами, заучивание формул даже на ходу. В день экзамена он вошел в зал и увидел три сотни человек — зал был забит до отказа. Многие щелкали задачи быстрее него. Кто бы мог подумать, что последняя задача окажется вариацией олимпиадной задачи про кур и кроликов в одной клетке.

Когда время вышло, работы сдали, шесть экзаменаторов проверяли их на месте, задавая вопросы. Когда дошли до его работы, преподаватели совещались полчаса, и в итоге главный экзаменатор одобрил его ход решения. Красной кистью была поставлена отметка, и он стал учеником Академии.

Экзамен и проверка заняли пять часов, отобрали тридцать человек.

Чэн Цяньжэнь не помнил, как добрался домой, проспал без задних ног до следующего вечера, а проснувшись, увидел Сюй Жань, сидящего у кровати. Он тщательно умыл ребенка, отвел его в ресторан Фэйфэн на юге города, заказал стол с лучшими блюдами и пил до закрытия.

По дороге домой, в глубокой ночи, он не сдержался и запел во весь голос. Не успев допеть, его стошнило, и Чжулю пришлось вести его домой, поддерживая под руки.

— Эта история учит нас, что нужно хорошо учить олимпиадную математику... Сяо Лю, почему все кругом золотом сияет, где мы? О, город Наньян, здесь повсюду золото!

— Брат, это свет от фонарей других людей отражается на каменных плитах.

— Неважно, Сяо Лю! Брат поступил! С сегодняшнего дня мы будем спокойно жить в Наньяне, а все, что было раньше, забудем.

Протрезвев, он помнил только эти слова и чувствовал жгучий стыд. Но он до сих пор помнил, как счастлив был тогда.

Ситуация Чжулю сейчас отличалась от его собственной.

Курс Вычисление Десяти Тысяч Дхарм заместителя директора относился к Павильону Чуньбо — набор был ограничен, а требований много. Помимо оплаты обучения, нужно было потратиться на взятки.

Чэн Цяньжэнь закончил считать чужие счета и достал свою маленькую книжечку, чтобы проверить свои расходы. Он подрабатывал бухгалтером в лапшичной — три лян в месяц, плюс плата за еду от двух постояльцев, по два лян с каждого.

Он щелкнул счетами. Учитывая рост цен за последние два месяца, доходов хватало на текущую жизнь, и даже на новую одежду для Чжулю к сезону. Не говоря уже о сорока лянах, отложенных в зачаток до приезда в Наньян.

Но чтобы Чжулю поступил по плану, не хватало еще шестидесяти лян. Шестидесять лян — это сумма, на которую семья из четырех человек могла безбедно жить два года. Он обдумывал способы заработать, но все они казались не очень хорошими.

Нельзя же возвращаться к прежнему ремеслу.

Чэн Цяньжэнь встал, разминая затекшие мышцы, и открыл окно. Резкий весенний ветер ударил в лицо, проясняя голову после долгих расчетов. Двор был пуст, Гу Сюэцзян уже ушел. Он отодвинул тайник за книжной полкой, достал старый меч, повесил его на пояс и вышел.

Он не удержался и заглянул к Чжулю.

Послеполуденное солнце пробивалось сквозь решетчатые окна, бросая пятнистые тени. Комната была небольшой: у стены стоял простой столик и книжная полка, напротив — кровать с пологом. Места было в обрез. Никаких картин или украшений, лишь лазурные занавески на кровати, в свете дня наполнявшие комнату мягким, изысканным сиянием.

Чэн Цяньжэнь приподнял полог. Ребенок спал крепким сном, его дыхание было ровным, густые ресницы слегка подрагивали.

Раньше он думал, что любой родитель не может объективно оценить внешность своего ребенка, поэтому Чжулю в его глазах самый красивый.

Кто бы мог подумать, что когда он впервые пригласил друзей в гости, Сюй Жань в изумлении воскликнул:

— Твой брат? Он же такой красивый, совсем на тебя не похож!

Молодой господин Гу выразился поэтичнее, всего восемью иероглифами:

— Снег на крышах, цветы в саду Яочи.

С тех пор Чэн Цяньжэнь понял, что Чжулю действительно хорош собой, и это не его предвзятость.

Кровать и одеяла Чэн Чжулю были самыми дорогими вещами в их доме. Чэн Цяньжэнь больше всего боялся, что тот не сможет хорошо питаться и спать, а скитания последних двух лет скажутся на развитии.

Он наклонился и поправил одеяло. В этом возрасте ребенок должен быть таким: безмятежно спать, не зная тревог. Было бы идеально, если бы не приходилось ломать голову над ценами на рис на западном рынке.

К сожалению, сейчас у них были проблемы посерьезнее цен на рис.

Юноша стоял у кровати, против света, его лицо было не разглядеть, лишь глаза сияли, как

чистый снег. Он прошептал спящему:

— Не волнуйся, мы обязательно что-нибудь придумаем. У тебя будет огромный мир и лучшее будущее.

Небо еще не рассвело, в небе висела ущербная луна.

В маленьком дворике на улице Люянь загорелся свет, две двери открылись почти одновременно. Юноша и ребенок обменялись вопросами.

— Хорошо спал?

— Очень хорошо. А брат?

— Тоже хорошо.

С криком петухов они встали, вскипятили воду, развели огонь, приготовили завтрак, подмели двор. Все было готово как раз к тому моменту, когда в переулке раздался звук гонга, возвещающий пятую стражу. Чэн Цяньжэнь закончил комплекс упражнений во дворе, а Чэн Чжулю уже расставил на столе рисовую кашу, закуски и паровые булочки.

После еды Чжулю проводил брата до конца переулка и подал ему сумку с книгами.

Чэн Цяньжэнь надел сумку и не удержался, чтобы не потрепать его по голове:

— У Сюй Жаня и Гу сегодня тоже основные курсы, вернутся поздно, поешь без меня. Я пошел, возвращайся быстрее.

Чэн Цяньжэнь отправился в Академию, а Чэн Чжулю остался дома готовить и читать.

Так начинался их день.

В тысячах домов загорались огни, городская стража выходила в дозор, двенадцать тяжелых бронзовых городских ворот медленно открывались.

Город Наньян располагался в юго-восточной части континента, раньше он назывался Юньян, и его история восходила к миллионам лет назад, еще до движения тектонических плит и объединения пяти земель.

Вместе с городом Чжаогуан на востоке он служил опорой, защищающей величественную императорскую столицу. Дорога, идущая отсюда на север, называлась Жизненной Артерией Небесной Молитвы. Как крупнейший центр двенадцати южных областей, Наньян имел гарнизон в сто пятьдесят тысяч солдат.

В то же время он находился в низовьях Великого канала Аньго, пересекающего половину континента, являясь центром судоходства, местом скопления чиновников и бесконечных рядов торговых лавок.

Однако такое стратегическое и экономическое значение меркло перед одним фактом — здесь находилась Академия Наньюань.

Никто не знал, какой силой обладает академия с миллионной историей. Ее власть в Наньяне порой превосходила власть администрации наместника, а правила академии часто стояли выше законов Небесной Молитвы. Поэтому в глазах Чэн Цяньжэня Наньян был скорее автономным округом.

Многие жили здесь всю жизнь, ни разу не выйдя за городские ворота, рождаясь, женись и умирая из поколения в поколение.

Но странствующие ученики были другими: они приезжали со всех концов света, каждой весной вливая в Наньян свежую кровь и позволяя ему вечно оставаться молодым. А достигнув успеха, они разлетались по разным землям, поддерживая кровообращение города.

Это создавало противоречивый характер города: юношеские амбиции подавляли историческую печаль, а сам город, закаленный ветрами и дождями, был полон жизни.

Сейчас, с восходом солнца, он просыпался в первых лучах зари, величественный и грозный.

На четырех главных магистралях двигались экипажи и пешеходы, торговцы зазывали покупателей на утреннем рынке, сановники ехали в свои ведомства. Практики и обычные люди завтракали за одним прилавком, юные ученые заигрывали с красивыми девушками. Жизнь во всем своем многообразии, эпоха мира.

Чэн Цяньжэню нравилось это место. Место, где учат и воспитывают, где много правил, но еще больше достоинства.

Здесь люди живут как люди.

Когда он только приехал в Наньян из маленького пограничного городка, ему казалось, что даже старики, беседующие под старым деревом, ведут себя спокойнее и увереннее, чем где-либо еще. Даже нищие, слонявшиеся у ворот Академии, выглядели так, будто гордятся своим положением.

А теперь он — житель Наньяна, и эта уверенность, накопленная за миллионы лет, стала и его частью.

Перед восточными воротами Академии раскинулась широкая площадь, вымощенная квадратными синими камнями. Там стояло множество экипажей, слышались оживленные голоса. Поскольку слуги не могли сопровождать учеников внутрь, отпрыски богатых семей выходили из паланкинов именно здесь. Эта сцена была обыденной, но сегодня было особенно шумно.

Чэн Цяньжэнь посмотрел на своих сокурсников в новой форме, толпившихся на площади, и внезапно понял:

— Сегодня же день официального поступления первокурсников.

Высокие стены словно подпирали синий небосвод, а алые ворота сияли в утренних лучах. Виднелись карнизы, уходящие ввысь, а самым заметным было восьмиугольное здание, пронзающее небеса, как острый меч.

Это был центр Академии, самое высокое здание в Наньяне — Библиотека.

Каждый год первокурсники в лучах весеннего солнца смотрели на это величественное

сооружение, и их сердца наполнялись гордостью. Даже самые искушенные юноши не могли скрыть благоговения и восторга.

Чэн Цяньжэнь прошел сквозь толпу, миновал ворота и направился на юг. Людей становилось все меньше, пока наконец он не увидел каменную арку. Каменная резьба за долгие годы покрылась мхом, а высеченные на ней четыре иероглифа Задний двор Наньшань сгладились от времени.

Озеро Тайе было искусственным, а Наньшань — вовсе не холмом.

При основании Академии в ее территорию действительно включили целую гору.

Каменные ступени петляли вверх, вдоль дороги росли вековые сосны. Сорок шесть учебных корпусов направления Мастерства были построены прямо на склонах — белые стены, серая черепица, то появляющиеся, то исчезающие в утреннем тумане, словно жемчужины, рассыпанные в море леса.

Учебный корпус Арифметики находился на середине склона. Чэн Цяньжэнь еще не успел войти, как услышал оживленный смех.

Его жилье было ближе к Академии, но не настолько, как у тех, кто жил на задней горе. В Академии общежития были рассчитаны на четверых, плата была невелика, но у него был младший брат, и нужно было зарабатывать, так что это было не для него.

В классе уже было больше десяти человек, они сдвинули столы и стулья и обсуждали вчерашнюю вечеринку.

— Если говорить об импровизации в стихах, то талант брата Ли просто блистал! В следующий раз нельзя позволить ему сбежать первым!

— Кто сбежал? Через три дня снова день отдыха, идем в Фэйфэн, пьем до упаду, я угощаю!

Когда Чэн Цяньжэнь вошел, один из них мельком взглянул на него, остальные же разом замолчали, обмениваясь странными взглядами.

Он подошел к своему месту, достал из сумки свитки, счеты, бумагу, кисти, подставку для кистей и баночку с тушью, аккуратно разложив все на столе.

Через мгновение разговоры за спиной возобновились с еще большей громкостью, смех стал еще громче, кто-то хлопал по столу.

Словно пытаясь шумным весельем подчеркнуть его одиночество.

Ученики в этом возрасте больше всего боятся быть как все, и в то же время боятся отличаться.

Они хотят быть выдающимися, но при этом чувствовать принадлежность к группе, хотят идти своим путем, но следовать за модой.

Боевые практики из Академии Циншань в любой непонятной ситуации выхватывали ножи, решая споры кулаками. Молодые господа из Павильона Чуньбо презирали сравнения богатства, ежедневно устраивали поэтические клубы, играли в поло, спорили о текущих событиях, стремясь доказать свое превосходство талантом.

Задний двор Наньшань, как место обучения самым прикладным дисциплинам, был полон

тяжелых нагрузок и частых экзаменов, что сформировало здесь особую конкурентную атмосферу.

В классе Чэн Цяньжэня две группы были четко разделены. Одна — выходцы из бедных семей, проводившие свободное время в Библиотеке, выбиваясь из сил ради написания статей для наставников. Другая — состоятельные ученики, которые напоказ предавались развлечениям, гордясь знакомствами с учениками из Павильона Чуньбо, а втайне зубрили ночами, соревнуясь в рейтингах.

Они презирали друг друга, но это не мешало им сохранять хрупкое равновесие. Примкнув к любой из сторон, можно было легко найти друзей и жить без забот.

Однако в течение последнего года Чэн Цяньжэнь оставался в одиночестве, и было ясно, что так продолжится и в ближайшие три года.

Когда он только поступил, многие предлагали ему дружбу:

— Идем выпьем после занятий?

— Не хочешь пойти почитать в Библиотеку?

Чэн Цяньжэнь искренне отказывался:

— Прошу прощения, сегодня нет времени, надеюсь на ваше понимание.

<http://bllate.org/book/21041/2140649>